

СПЕЦИФИКА ЖАНРОВ МАЛОЙ ПРОЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ П.А. ОЙУНСКОГО

Саввинова Гульнара Егоровна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, (г. Якутск)
savgul6767@mail.ru

THE SPECIFICITY OF SHORT STORY GENRES IN THE WORKS OF P.A. OYUNSKY

G. Savvinova

Summary: The article examines the features of prose formation in the works of the Yakut writer P.A. Oyunsky (1893–1939) based on a genre approach. The purpose of the work is to identify and describe the features of the genre nature of the writer's works. The article uses a comprehensive philological analysis of texts and an intertextual research method, with a focus on the structural, stylistic, and semantic layers of the works. It has been established that folklore genres in the structure of P.A. Oyunsky's works serve as one of the main stylistic devices employed by the writer, particularly fulfilling an ideological and conceptual function. By drawing on folklore genres, the writer recreated the flavor of the Yakut people in the early 20th century, revealing the unique aspects of their national perception and transformation of the world.

Keywords: prose genre, short story, folklore and epic traditions, images, techniques, transformation, story processing.

Аннотация: В статье на основе жанрового подхода рассматриваются особенности формирования прозы в творчестве якутского писателя П.А. Ойунского (1893–1939). Цель работы заключается в выявлении и описании особенностей жанровой природы произведений писателя. В работе используются комплексный филологический анализ текстов, интертекстуальный метод исследования; особое внимание обращено на структурно-стилистический и семантический пласты произведений. Установлено, что фольклорные жанры в структуре произведений П.А. Ойунского служат одним из главных стилистических приемов, применяемых писателем, в частности, выполняют идейно–концептирующую функцию. Обращаясь к жанрам фольклора, писатель воссоздал колорит якутского народа в период начала XX века, раскрыл особенности национального восприятия и преображения мира.

Ключевые слова: прозаический жанр, рассказ, фольклорно-эпические традиции, образы, приемы, трансформация, переработка сюжетов.

Введение

Жизнь, стремительно менявшаяся в период катаклизмов начала XX века требовала в российской советской литературе новых форм произведений. Платон Алексеевич Ойунский (1893–1939) – первый революционер якутского народа, государственный деятель, создавший основы государственности и Якутскую автономную республику; первый учёный-филолог из якутов, организовавший основы науки в республике.

П.А. Ойунский – основоположник якутской советской литературы, писатель, создавший новую литературу. Исследователь творчества П.А. Ойунского, литературовед, В.Б. О कोरोкова отмечает, что «1920-е годы были в якутской литературе эпохой П.А. Ойунского. Его произведения читались, распространялись, у него учились, многие молодые писатели следовали его принципам» [10, с. 28].

Нередко П.А. Ойунского называют писателем социалистического реализма, ввиду того что Платон Алексеевич был основоположником советской литературы. Вместе с тем некий «ниспровергатель» охарактеризовал произведения писателя, как пример «безудержной идеализации и неомифологизации советского тоталитарного режима». Разумеется, подобное суждение о писателе в корне несовместимо с его позицией. Касательно этого, В.Б. О कोरोкова пишет: «Советская литература – как

сложный литературный процесс понятие объемное, а метод – это его частное проявление. Действительно, П.А. Ойунский – основоположник советской литературы, основавший новую литературу с новыми принципами и с новыми идеалами. А метод его творчества – романтизм. Недаром он учился у таких писателей, как Байрон, Гете, Пушкин, Петефи и Горький» [10, с. 28]. Данная точка зрения просматривается, также, в работах Л.Н. Романовой. Л.Н. Романова указывает на то, что: «Современное литературоведение, понимая, что с творчества Ойунского началась новая веха в развитии национальной литературной истории, говорит, прежде всего, о несомненном новаторстве писателя в области проблематики и тематики, жанра и стиля, формы стиха» [12, с. 24].

Под ощущением трагичности мира, характерным для произведений писателя в 1920-е годы, П. Ойунский стремился найти новую «технику создания героя», новые формы и методы литературного творчества.

Актуальность работы обусловлена интересом к признакам художественного стиля, рассмотрению вопроса индивидуального авторского стиля; к осмыслению художественной ценности его произведений. Материалом для анализа выступают рассказы П.А. Ойунского «Никус Помешанный» (1923) и «Сердце» (1927). Новизна исследования заключается в подходе к изучению обнаруженного жанрового своеобразия в прозе П. Ойунского как

отражение национального миропонимания. Цель работы заключается в выявлении своеобразия жанровой поэтики произведений «Никус Помешанный» (1923), «Сердце» (1927), особенностей функционирования различных языковых элементов в текстах. Задачи, которые могут быть решены для достижения цели, включают:

- выявление и описание признаков художественного стиля, особенностей функционирования языковых элементов в тексте;
- рассмотрение вопроса индивидуального авторского стиля;
- выяснение, при помощи каких именно средств писатель реализует фольклор в своих произведениях.

Основы жанров в рассказах П. Ойунского изучаются на базе фундаментальных теоретических исследований по литературоведению, фольклору и мифологии. К рассмотрению различных аспектов художественного текста широко использовались следующие методы исследования, как этнографический подход; структурный, описательный и семантический анализы. Теоретическая значимость представляет определение жанрового своеобразия творчества П.А. Ойунского. Теоретическая ценность заключается в пояснении характерных черт жанрового своеобразия; в рассмотрении средств и методов, которые писатель использует для создания своих произведений. Результаты исследования могут быть применены для гражданско-патриотического воспитания молодежи и сохранения культурно-исторического наследия, укрепления культурной памяти народа.

В произведениях П. Ойунского по-новому рассматриваются взаимоотношения человека и общества, по-новому решается проблема выбора литературного героя. В своих произведениях П. Ойунский стремится «показать эволюцию сознания, бытия народа. Писатель хочет вывести его на другой, более развитый уровень развития и вписать в контекст общечеловеческой истории» [10, с. 30]. П. Ойунским написаны произведения, в которых затронута тема классового угнетения крестьян, классовой борьбы: «Указ царя», «Явь или сон?!», «Сердце». Жизнь народа в период строительства социализма освещается в рассказах «Никус Помешанный», «Столетний план», «Большевик», «Выход из тины» [9, 1993].

Жанрово-стилистические особенности рассказов П.А. Ойунского

Произведения «Никус Помешанный» («Иирбит Ньюкус», 1923), «Сердце» («Сүрэх», 1927) [9, 1993] созданы на основе событий гражданской войны, революций. Сюжеты произведений пронизаны философскими раздумьями писателя о правде, о борьбе за счастье народа.

Для осуществления «народной темы», описания образа героев П. Ойунский нуждался в новых инструмен-

тах повествования. Поиск новых художественных принципов и средств изображения привёл к тому, что в прозе писателя появились ранее несвойственные ей мотивы, символизм образов и пейзажей.

Итак, в 1923 году на основе реальной истории интерпретирован философский рассказ П. Ойунского «Никус Помешанный» («Иирбит Ньюкус»). В рассказе создаётся образ названного в народе «философом-провидцем» Никуса, прототипом которого служил сожжённый белобандитами в начале XX века народный мудрец Николай Иванович Попов, безграмотный бедняк - уроженец Джанхадинского наслега Мегино-Кангаласского улуса Якутской области.

Рассказ «Никус Помешанный» является образцом новаторства в якутской прозе начала XX века. В произведении органично соединились понятия советских идеологом и национальных символов и знаков, реалистического и мифологического начал. Исследователями отмечен «Никус Помешанный» как жанр рассказ-монолог, из его «монологов» же состоит композиционный строй произведения. Именно через монологи выражены глубокие раздумья главного героя. Рассказ проникнут пафосом романтизма мятежника Никуса. У Никуса было прозвище «Помешанный» (с якут. иирбит – сумасшедший, помешанный). Прозвище «Помешанный» дано герою из-за его необычного поведения. Он вел себя отстраненно от повседневных забот, будто, был равнодушен ко всему житейскому. И что самое главное, все время разговаривал сам с собой.

Текст имеет четырехчастную структуру – т.е. состоит из монологов «Четырех слов». Кульминация в рассказе происходит в тот момент, когда Никус понял, что он «пророк», заглядывающий в будущее. Своей неординарностью, «пророческим философствованием» герой как бы реализует свое эпическое начало. Как отмечает В.А. Семенов, рассказ «Никус Помешанный» написан в сказовой форме, который орнаментирован пословицами и поговорками [13, 1980, с. 117]. Связь с фольклорно-эпической традицией проявляется в монологе-толковании Никуса: о боге, о религии, об эпическом сотворении мира, вселенной; о карточном гадании и др.

Лирический герой выступает как якутский сказитель (олонхосут), входит в состояние творческого духа, вовлекая слушателя в свой мир. В его монологе внесены элементы якутского героического эпоса олонхо - героические мотивы, мотивы парадоксальности, которые связаны с философскими размышлениями героя и которые послужили двигателями главной идеи произведения. Монологическое выступление героя имеет, также, характерную сказительскую форму исполнения. Речь Никуса писатель оформляет в оригинальную ритмическую систему тонического стиха, свойственного при-

роде ритма эпоса олонхо: «Ама даҕаны дьадаһаным иһин, ама даҕаны нэх соннообум иһин, ама даҕаны харанаҕа үөскээмин төрүөммүн ньылбаран харахтаабым иһин, барыны барытын, суохтан ыла суоҕу тобулу көрөн олоробун» («хоть и беден я, хоть и остался в одной облеслой, изношенной шубенке, хотя и вырос в темноте и невежестве и болен трахомой, я все вижу ясно. Даже могу предсказать будущее...» (пер. И. Пухова) [7, 1963, с. 252]. В таком исполнении Никус-пророк знакомит себя с «публикой». Философские рассуждения Никуса о бытие, о мироздании сопровождаются народной словесностью: «...Көстөр-көстүбэт аан-дойду, сир-халлаан үөскүү иликтэринэ, мабылыыт тыал тардыытынан, уоттаах салгынтан аан маннай күн үөскээбит эбит, күлүмнээн күндээрэн, чабыллыан сандааран киин тутулук кини буолбут эбит...» («В давно минувшие времена, когда еще не было ни земли, ни неба, ни видимой, ни невидимой страны, под действием ветра перво-наперво из огненной лавы образовалось солнце; оно согрело мир, сверкая яркими лучами, и стало центром всего» (пер. И. Пухова) [7, 1963, с. 253].

В своих произведениях писатель-романтик силой своей фантазии и философских взглядов ввел универсальные символы – образы, транслирующие «скрытые» смыслы. Это он, лирический герой-образ великого борца за счастье всего человечества. Вот как размышляет Никус-«философ»: «орто дойду үрдүгэр, эрэйдээх-буруйдаах икки атахтаах олоҕор бөлүһүөк өйө, тыла чабылган курдук күлүмнүүр, этин курдук ньирилиир, үчүгэйи-куһаҕаны барытын сырдатар, дьонно көрдөрөр...» («Во всем среднем мире в жизни несчастных и бедных двуногих сверкают как молния вещие слова и ум мудреца, гремят как гром, обнажают добро и зло...» (пер. И. Пухова) [7, 1963, с. 252].

П. Ойунским образ женщины представлен как светлым добрым началом, которое ведет мир к гармонии и красоте. Писатель, обожествляя женщину, воплощает свое творческое воображение в изображении красоты якутской женщины. Впервые в писательском творчестве П. Ойунского устами лирического героя присутствует патетическая тональность в размышлении-монологе о женщине. Вот как автор описывает это в своем рассказе: «Кто не подпадал под чары карт, кто не лил слез из-за них?! Пожалуй, одни лишь женщины в силах преодолеть страсть к картам. Женщина — владычица всех страстей, она неиссякаемый родник, рождающий жизнь... Женская сила взяла вверх над богом...» [7, 1963, с. 253]. «Не от мира сего» Никус - «пророк» толкует о том, что исключительно благодаря силы ума, мудрости женщины в жизнь придет счастье. П. Ойунским впервые в якутской прозе был представлен образ женщины, который вобрал в себе новые философские взгляды.

Монологи Никуса, на первый взгляд, показаны хао-

тично, мысли высказываются без связей, он – действительно, «помешанный». «Белые» собираются его сжечь, однако он, как пророк, бессмертен. Его «нетленная душа», «огненные семена», как в традиции якутского олонхо, вступают в борьбу с противником. Образ Никуса обобщенный образ эпического героя, вместе с тем, образ - контрастен. Его «вершинные мысли» выражены в его речах: «Люди сего мира должны внимать моим пламенным словам!». Если в средневековой литературе суд и мученическая смерть – это кульминация истории Орлеанской Девы (Жанны д Арк), то в кульминационном фрагменте рассказа П. Ойунского – это полное сарказма восклицание Никуса: «Странно и непонятно: есть закон, позволяющий «белым» сжигать людей, но нет закона сожжения кабалы...». Как видим, в рассказе мысли и чувства лирического героя-пророка воспринимаются в синкретизе. Произведение «Никус Помешанный» для П. Ойунского является первым художественно-философским мировоззренческим произведением.

Произведение «Сердце» (1927) повествует о событиях гражданской войны. В рассказе писатель раскрывает тему жизни и смерти. Автор показал образ матери революционера Михася (Михаила) - Анны. Анна с раннего детства батрачила на местного *тойона*-купца (с якут. *тойон* - богач, господин). Однажды Анна видит сон, словно чувствуя участь сына. Внесенный мотив сна матери позволяет глубже понять идею всего произведения. Во сне матери перекрещиваются прошлое (возникает давно умерший тойон), настоящее (перед матерью сын предстает живым), будущее (мать чувствует гибель сына). Сон героини неспокоен тем, что бывший тойон стал бранить Анну за то, что она родила и вырастила красного бойца, вставшего на борьбу против улусных богачей (с якут. фолькл. улус –народ; племя) [3]. Тойон ей говорит: «За то, что ты вырастила большевика, я вырвал сердце твоего сына и намерен был преподнести его тебе. Вдруг оно громом разорвалось и пламенем разнеслось по величавой тайге на огромной северной горе! О, горе мне! За мной по пятам следует этот огонь-пламень» (пер. В. Петрова) [7, с. 195]. В портретном описании героини отмечается мастерский показ пробуждения в ней классового самосознания. Устами Анны отражена основная идея произведения – главный замысел писателя-революционера: «...правда угнетенных людей должна непременно победить... Недаром ведь говорят, что народная сила – это божья сила!». В данном фрагменте автор подчеркивает пробуждение понимания матерью себя. Здесь показан переход героини в новое качество: героиня переживает обновление и перерождение; Анна нынче уверена в правоте дела, которое отстаивает ее сын. В образе матери воплощены жизнь якутского народа начала XX века, национальный характер народа, которые все вместе созвучны с романтическим ореолом мятежа.

В выражении героико-романтического содержания

П. Ойунским намеренно введен образ природы. Природа в произведениях П. Ойунского несет в себе смысловую нагрузку, так как является «организатором» сюжетно-нарративной логики повествования» [2, с. 24]. Природа в рассказе функционирует не только как пространство. Она здесь одушевлена, наделена переживаниями, свойствами и чертами живого существа. Идеи героического связаны с описанием январского северного мороза, в которых приемы сравнения активно способствуют выражению эмоционального взгляда автора.

В изображении зимы писатель использует фразеологизмы, заимствованные из фольклора для выразительности речи, её образности. К примеру, включенные в рассказ фольклорные обороты: «*бургунас муоһа булгурута тонор тымныта*» (букв. рога коровы трескаются от сильного мороза); «*сытар ынах ханнын саба сымара хара таастар... сырсаннар*» (букв. с брюхо лежащей коровы величиной каменные глыбы скатились) и пр. - помогают раскрыть символический смысл, связанный с силой и стойкостью якутского народа, его готовности встречать любые вызовы жизни, не сдаваясь перед лицом трудностей, и в первую очередь, придает описанию своеобразный колорит. Используемые аллегории «относятся к высшим образцам народного творчества, в результате которого устойчивые словосочетания претерпевают изменения и приобретают новый блеск» [16, с. 443]. Очевидно, что с глубокой древности в миропонимании якутского народа взаимозависимы «целостный чувственный образ и символы» [4, с. 4], также устойчивые сравнения в произведении применяются «как один из приемов актуализации сюжета» [6, с. 60]. Использование смысловых оппозиций как метаязыковое описание: «*тымны уот-дьыбар*» (досл. огненный мороз), «*мууһунан хаарыйбахтыр*» (досл. обжигающий мороз) «*уотунан салаамахтыр тымны*» (досл. огнем пылающий мороз) – выявляют их взаимозависимость, являясь ключом художественного постижения романтической возвышенности. Использование фольклорных элементов и символических образов придают произведению особое идейное наполнение. Например, в лейтмотивной системе рассказа представлены художественные образы, как *уот дьыбар тымны* (досл. огненный трескучий мороз), *түптэлэс тымны* (досл. пылающий трескучий мороз), *чыңкыныыр тымны* (досл. звенящий трескучий мороз), *күдэн туман* (досл. летящий ледяной туман), *халыг хара тыа барыгырбыт* (досл. темный лес стеной стоял), *харана барык түүн* (досл. темная, непроглядная ночь) и пр., которые становятся символами главной темы произведения - борьбы за справедливость и счастье народа.

Символические мотивы – мифологические образы пронизывают всю прозу П. Ойунского, олицетворяя идейную борьбу, волну общественного движения. Показывая пробуждение раннего летнего утра, автор при-

влекает олицетворения, метафоры. Центральные образы: утро, рассвет - ассоциируются с новым началом, светлым будущим: *ол икки ардыгар халлаан сырдаан, болот өнчөбүн курдук суһуктуйан барбыта...* (между тем небо начало алеть, словно раскаленный обух булатного меча...). Здесь писатель употребляет более сильное по смысловому воздействию сравнение – автор использует образ булатного ножа (як. *кылыс*). Очевидно, включение аллегорического образа - якутского булатного ножа (*кылыса*) не случайно. Образ *кылыса*, имеющий бинарное значение в произведениях П. Ойунского стал его традиционным образом. Образ *кылыса* имеет значительную роль в национальном миропонимании, который, в частности, является символом справедливого возмездия угнетенного народа над своими вековыми угнетателями. Здесь мы делаем небольшое отступление и посмотрим, какое значение имеет у якутов *кылыс*. *Кылыс* отражает в себе тысячелетнюю историю народов Якутии. Издревле якуты почитали кузнецов. Считалось, что кузнец сильнее, даже, шамана; кузнеца считали носителем высшего знания, обладателем сверхъестественных сил. Кузнецы могли передать через изготовленный им меч бесподобную силу, исключительную стойкость и выносливость. Сколько мифов и легенд ходит в современном мире о *кылысе*! В знаковом произведении П. Ойунского - драматической поэме «Красный Шаман» (1925) главный герой - Красный Шаман верит, что могучий карающий меч возмездия разрубит, разрушит «оплот кровавого закона» и освободит народ от оков рабства. Неспроста писатель переводит на якутский язык (1937) стихотворение А.С. Пушкина «Кинжал». П. Ойунский понимал миссию Пушкина как поборника правды и справедливости [8, с. 80]. Вместе с тем, как отмечает В.А. Семенов, «булатный нож Красного Шамана – это самобытный поэтический образ, который генетически восходит не к стихотворению А.С. Пушкина, а к якутскому героическому эпосу олонхо, как это видно из описания» [14, 1966, с. 58]. Также следует отметить, что мифологема ножа применена и в повести-предании П. Ойунского «Кудангса Великий» (1929). В произведении Кудангса - борец за счастье своего народа, заставляет шамана спуститься в нижний мир к самому божеству кузнечного ремесла и заказать ему меч, который мог бы быть одержимым сверхъестественной силой. Шаман исполняет приказ Кудангсы: преподносит ему желанное оружие, выкованное духами-покровителями кузнецов.

Немаловажную роль в произведениях П. Ойунского играет образ *огня*, способствуя выражению позиции писателя – патетического, героического пафоса произведений.

С древних времен якуты поклонялись духу огня, проводили ритуалы в его честь. Якутский писатель, поэт, исследователь истории и культуры Якутии А.Е. Кулаковский (1877–1926) охарактеризовал дух огня как «великий из всех *иччи* (с як. *иччи* - дух), возводимый до степени боже-

ства и почитаемый больше богов» [5, с. 30]. Н.А. Алексеев подчеркивал охранительную, очищающую и защитную функции духа-хозяина огня [1, с. 70]. В отношении мировой культуры А.А. Потенбя писал: «Как душа и жизнь, так и частные проявления жизни: голод, жажда, желание, любовь, печаль, радость, гнев – представлялись народу и изображались в языке огнем» [11, с. 9]. В рассказе «Никус Помешанный» основные конфликты – внутренние и внешние противоречия проецируются автором на образ *огненных семян*, как и мифологему *огненного сердца* Михася («Сердце»). Произведения завершаются славословиями подвигам героев – призывами самих героев, отдавших жизнь идее справедливости, равенства: «О сердце!.. Хвала тебе, львиное сердце! Веди же ты нас всегда к новым и новым победам!» (пер. В. Петрова) («Сердце»); «Бьет час, когда я должен буду превратиться в огненные семена, жгите меня скорей! Да только скорей жгите!» (пер. И. Пухова) («Никус Помешанный»). Горящие сердца сынов – символ сердец якутского народа, зажженных революционными изменениями.

С помощью мифологем *огненных семян* и *огненного сердца* писатель вызывает эмоциональное восприятие у читателя, благодаря которому автор достиг романтизации рассказов. Основная функция главных героев – замысел писателя продолжается в бесконечности – это «непобедимые мысли» Никуса («Никус Помешанный») и Михася («Сердце») о героически погибших борцов за свободу своего народа. И, именно, фольклорные традиции придают философскому звучанию произведений. В произведениях П. Ойунского фольклорные традиции не только «воспро-

изводятся, но и реструктуризируются, соотносясь с новым историко-культурным контекстом» [15, с. 68].

Заключение

В произведениях П.А. Ойунского весьма своеобразно переплетаются черты различных жанров. Идеи, философские и эстетические искания автора представлены во всей своей глубине и выразительности. Народно-поэтические элементы, мифологические образы и символы в произведениях П. Ойунского осваиваются органически, переосмысливаются с новых идейно-эстетических позиций (н-р, понятия советских идеологов и национальных символов, знаков, реалистического и мифологического начал). Дуалистичность в мировоззрении определяет в прозе писателя свойства фольклора и советские идеи строительства новой жизни, насилие над народом и антисоветизм. Подобный синкретизм инверсионных начал обусловил черты поэтики произведений П. Ойунского. Это проявляется в насыщенности текстов тропами с использованием фольклорных традиций: в обилии фразеологизмов, фольклорных оборотов; в выражении революционных, советских лозунгов через символические образы-олицетворения (образы *кылыса, огня; огненное сердце, трескучий мороз*); сравнения (*с брюхо лежащей коровы величиной каменные глыбы скатились*); смысловые оппозиции (*огнем пылающий мороз*) и др. Использование разнообразия жанров фольклора в произведениях П.А. Ойунского способствуют их идейной и эстетической целостности, поскольку выполняют творческую задачу автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. РАН, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии. - Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1992. 239 с.
2. Богач Д.А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке. // Вестник Челябинского государственного университета. - 2017. - № 6 (402). - С. 22–29; С. 24
3. Большой толковый словарь якутского языка. Академия наук Республики Саха (Якутия), Ин-т гуман. иссл.; под общ. ред. П.А. Слепцова. Т. 12. - Новосибирск: Наука, 2015. 595 с.
4. Габышева Л.Л. Слово в мифопоэтической картине мира (на материале языка и культуры якутов). // Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38. - М.: РГГУ, 2003. 187 с.
5. Кулаковский А.Е. Научные труды. АН СССР, СО, ЯФ, Ин-т яз., лит. и истории. - Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 483 с.
6. Макаров С.С. Поэтика якутских олонхо: единицы и уровни лексической стереотипии: Дис. . . канд. филол. наук: 10.01.09. - М., 2019. 363 с.
7. Ойунский П.А. Избранное: пер. с якут., сост. С. Данилов; вступ. ст. И. Пухова. - М.: Художественная литература, 1963. 293 с.
8. Ойуунускай П.А. Айымнылар: сэттэ томнаах. Ахтылар, этиилэр, ыстатыйалар, кэпсээннэр. - Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-вота, 1962. Т. 7. 220 с. (на як. яз)
9. Ойуунускай П.А. Талыллыбыт айымнылар. Үс томнаах: кэпсээннэр, сэхэннэр, пьесалар, ахтыы. Россия наукаларын акад., Сиб. отд-ние Саха сиринээҕи салаата, Тыл, лит., ист. ин-та. - Дьокуускай: Бичик, 1993. Т. 2: 441 с. (на як. яз)
10. Окорокова В.Б. Философские ракурсы творчества П.А. Ойунского. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Вопросы национальных литератур. - 2021. - № 1. - С. 26–34.
11. Потенбя А.А. Символ и миф в народной культуре. Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А.А. Топоркова. - М., 2000. 481 с.
12. Романова Л.Н. Мифологизм творчества П.А. Ойунского: сотворение нового мира (постановка проблемы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. - 2013. - № 2 (7). - С. 23–30.
13. Семенов В.А. Творчество П.А. Ойунского и становление социалистического реализма в якутской советской литературе. - Новосибирск: Наука, 1980. 222 с.

14. Семенов В.А. Фольклорные сюжеты и мотивы в творчестве П.А. Ойунского. Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории. - Якутск: Якутское кн. изд-во, 1966. 76 с.
 15. Хазанкович Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера: монография. / Отв. ред. д.филол.н. Ч.Г. Гусейнов; М-во обр. и науки РФ, Федер. агентство по обр., ГОУ ВПО «Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова». - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 129 с.
 16. Хайдарова А.Р. Фразеологические обороты в произведениях Тансулпан Гариповой. // Мир науки, культуры, образования. - 2024. - № 3(106). - С. 441–443.
-

© Саввинова Гульнара Егоровна (savgul6767@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»